

ПО НАКАЗУ СОВЕСТИ

Книга Гросса вызвала шок, масштабы которого сравнимы разве что с откликами на книгу Ханнй Арендт «Эйхман в Иерусалиме». Арендт писала о сотрудничестве некоторых еврейских кругов с нацистами: «Еврейские советы старейшин информировались Эйхманом или его подчиненными о том, сколько евреев надобно для наполнения каждого эшелона, ими составлялись списки депортированных. Евреи регистрировались, заполняли бесчисленное множество анкет, отвечали на вопросы о своем имуществе, что облегчало его разграбление, затем собирались в назначенном месте и садились в поезда. Тех немногих, кто пытался скрыться или сбежать, отлавливала специальная еврейская полиция...»

Не утверждает ли тем самым автор, что евреи сами уничтожали евреев, — задавались вопросом еврейские критики после выхода книги Арендт.

Отклики в Польше на книгу «Соседи» были столь же эмоциональны. Рядовой польский читатель не хотел верить, что нечто подобное могло случиться. Признаться, я тоже посчитал, что мой друг Ян Томаш Гросс стал жертвой мистификации. И все же преступление в Едвабне, которому предшествовал зверский погром евреев, имело место и должно тяжким грузом отложиться в массовом сознании поляков. И в моем личном тоже. Дебаты на тему преступления в Едвабне длятся среди поляков уже несколько ме-

---

Печатается с разрешения редакции «Общей газеты».

сяцев. Им сопутствует серьезность, вдумчивость, боль и ужас, как будто всему обществу приказано вдруг нести бремя страшного преступления, совершенного 60 лет назад. Как будто всем полякам приказано коллективно признать вину и просить прощения.

Действительно ли в годы войны поляки вместе с немцами убивали евреев? Большой абсурд трудно себе представить. Нет ни одной польской семьи, которую бы не покалечили гитлеровский нацизм и советский коммунизм. Эти две тоталитарные диктатуры поглотили три миллиона поляков и еще три миллиона польских граждан, причисленных гитлеровцами к евреям. Польша первой сказала категорическое «нет» гитлеровским требованиям и первой предприняла вооруженное сопротивление гитлеровской агрессии. Ни одно воинское подразделение под польским флагом не сражалось на стороне Третьего рейха. Подвергнутые нападению двух тоталитарных диктатур в результате пакта Риббентропа — Молотова, поляки сражались до последнего дня в армиях антигитлеровской коалиции. В Польше существовало широкое движение сопротивления, активно действовало вооруженное подполье.

После войны, когда в свободных странах пришло время раздумий над последствиями нацизма и Холокоста, в Польше сталинский террор на многие годы заблокировал дискуссию об антисемитизме. А его традиции имели там глубокие корни. В Польше XIX века, как и во всех странах нашего региона, населенного евреями, антисемитизм был идеологическим связующим звеном политического лагеря — национальной демократии. В межвоенный период антисемитизм был уже прочным фактором радикальной идеологии правых националистических сил. Мощные антисемитские акценты можно было услышать в высказываниях иерархов католической церкви. Втиснутая между гитлеровской Германией и сталинской Россией Польша не

сумела установить порядочных отношений с нацменьшинствами, в том числе с еврейской общиной.

Однако в годы гитлеровской оккупации польские правые националистические силы, в отличие от большинства стран Европы, не пошли по пути коллаборационизма с нацистами. Польские антисемиты сражались против Гитлера, а некоторые из них даже участвовали в акциях спасения евреев, хотя за это им грозила смерть. Так возник специфический польский парадокс — на оккупированной польской земле можно было одновременно быть антисемитом, героем антигитлеровского сопротивления и участником операций по спасению евреев.

Несколько лет назад известный польский интеллектуал Ян Блоньский опубликовал в еженедельнике «Тыгодник повсехны» эссе именно об этом парадоксе. Он напомнил о громком воззвании католического фронта возрождения Польши, написанном католической писательницей Зофией Коссак-Шчуцкой. В этом воззвании, прозвучавшем в августе 42-го, можно прочитать: «В варшавском гетто, отделенном стеной от мира, несколько сот тысяч смертников ждут смерти. У них нет надежды на спасение. К ним никто не придет на помощь. Количество убитых евреев перевалило за миллион, и эта цифра увеличивается с каждым днем. Гибнут все. Богатые и бедные, старцы, женщины, мужчины, молодежь, грудные дети, с именем Иисуса и Девы Марии на устах умирают католики и старообрядцы. Они виноваты лишь в том, что родились евреями, приговоренными Гитлером к уничтожению.

Мир глядит на эти преступления, самые страшные из всех, что видела история, и молчит...

Дальше нельзя терпеть. Тот, кто молчит перед фактом убийства, тот сам становится пособником убийцы. Кто не осуждает — тот разрешает. Поэтому поднимаем голос мы, поляки-католики. Наши чувства в отношении евреев не изменятся. Мы по-прежнему считаем их политическими,

экономическими и идейными врагами Польши. Более того, мы отдаем себе отчет в том, что они ненавидят нас больше, чем немцев, что возлагают на нас вину за свое несчастье. Почему, на каком основании — это остается тайной еврейской души, неустанно подтверждаемой фактами. Осознание этих чувств не освобождает нас от обязанности осудить преступления...

В упорном молчании международного еврейского сообщества, в увертках немецкой пропаганды, стремящейся сбросить вину за резню евреев на литовцев и поляков, мы чувствуем враждебную для нас акцию...»

Это воззвание иллюстрирует парадокс польского отношения к погибавшим евреям. Уже после войны Коссак-Щуцка описывала этот парадокс в письме к своей знакомой: «Однажды на мосту им. Кербендзя немец заметил поляка, угощавшего голодного еврейского ребенка. Подскочил и приказал поляку бросить ребенка немедленно в воду, иначе сам застрелит и жиденка, и дававшего милостыню.

— Ничем ему не поможешь, — кричал немец, — я так или иначе его убью. У него нет права быть здесь. А ты можешь или уйти, если его утопишь, или я тебя застрелю. Считаю до трех. Внимание, раз... два...

Поляк не выдержал, в отчаянии бросил ребенка с моста в реку. Немец похлопал поляка по плечу. Bravo. Они разошлись, а через два дня поляк повесился».

Дальнейшей жизни поляков сопутствовала особая травма, которая давала о себе знать всегда, когда появлялись дискуссии на тему антисемитизма, польско-еврейских отношений, Холокоста. Ведь где-то в подсознании поляков засела память о том, что это они вселялись в квартиры евреев, сначала отправленных в гетто, а потом казненных гитлеровцами.

...Пишу эти строки осторожно, взвешиваю слова, повторяя за Монтескье: «Благодаря природе, я — человек, благодаря

случаю, я — француз». Так и я: благодаря случаю — поляк с еврейскими корнями. Почти всю мою семью поглотил Холокост, мои близкие могли погибнуть в Едвабне. Некоторые из них были коммунистами или родственниками коммунистов, некоторые были ремесленниками, торговцами, может, и раввинами. Но все были евреями. Своей вины перед теми погибшими не чувствую — чувствую ответственность. Не за то, что их убили, — этого предотвратить я не мог. А за то, что после смерти их убили второй раз, — по-человечески не похоронили, не оплакали, не раскрыли правду об этом позорном преступлении, но разрешили десятилетиями обманывать. И это уже моя вина. Не хватило воображения, времени, из-за своего оппортунизма и духовного лентяйства не задал себе некоторых вопросов, не искал ответов. Почему? Ведь принадлежал к тем, кто активно включился в раскрытие правды о преступлении в Катыни, добивался познания истины о сталинских процессах, о жертвах коммунистического репрессивного аппарата. Почему же не искал правды об уничтоженных в Едвабне евреях? Быть может, подсознательно боялся ее?

А ведь дикая толпа в Едвабне не была одинокой. Во всех странах, поработанных после 1939 года Советским Союзом, летом и осенью 1941 года происходили жуткие преступления против евреев. Они погибали от рук соседей — литовских, латышских, эстонских, украинских, российских, белорусских. Думаю, пришло время узнать наконец всю правду об этих кошмарных событиях. Пишу эти слова и снова ощущаю специфическую шизофрению: я — поляк, а мой стыд за преступление в Едвабне — это польский стыд. При этом знаю, что, окажись сам тогда в Едвабне, был бы убит как еврей.

Так кто же, наконец, я, пишущий эти слова? Благодаря природе, я — человек, отвечающий перед другими людьми за то, что сделал и чего не сделал. Благодаря моему выбору, я — поляк и отвечаю перед всем миром за то зло, кото-

рое сотворили мои соотечественники. Делаю это осознанно, по наказу собственной совести.

Но одновременно пишу все это как еврей, ощущающий глубокое братство с теми, кого убивали тогда как евреев. Именно исходя из этого должен заявить: тот, кто пытается вырвать преступление в Едвабне из контекста эпохи и построить на нем некое обобщение; тот, кто утверждает, что так вели себя только поляки, и все поляки, — тот насаждает ложь такую же мерзкую, как и многолетнее вранье о преступлении в Едвабне.

Адам МИХНИК

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Восьмого января 1949 года в Мазовии, в городке Едвабне, расположенном в 19 километрах от Ломжи, Управление общественной безопасности задержало пятнадцать мужчин¹. Среди арестованных, главным образом малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, оказались также двое сапожников, каменщик, столяр, часовщик, двое слесарей, почтальон, бывший рассыльный магистрата и агент по скупке яиц; среди них были отцы семейств с многочисленным потомством (у одного семеро детей, у других четверо, еще у нескольких по двое) и одинокие люди; младшему из них было 27 лет, старшему 64. В общем, такие совсем обычные люди².

Городок, в котором тогда насчитывалось около двух тысяч жителей, очевидно, был взбудоражен происшествием³, однако широкая общественность узнала об этом деле на четыре месяца позже, когда 16 и 17 мая в Окружном суде в Ломже состоялся процесс над Болеславом Рамотовским и еще 21 обвиняемым по этому же делу. В первой фразе обоснования обвинительного акта можно прочесть следующее: «Еврейский исторический институт в Лодзи вынес в Министерство юстиции (прокурорский надзор) докла-

зательный материал, касающийся преступной деятельности, а именно убийства лиц еврейской национальности жителями Едвабне, основанный на показаниях свидетеля Шмуля Васерштайна, который видел еврейский погром»⁴.

В ЕИИ не сохранилась переписка по поводу того, как и когда пересылали информацию Васерштайна в прокуратуру. В деле, кроме текста его показаний, тоже нет документации, которая позволила бы установить, например, когда прокуратуру проинформировали о том, что произошло в Едвабне. В контрольно-следственных материалах мы находим «Докладную о начале разработки дела» от 22 января 1949 года, а в ней, в рубрике «история начала разработки дела», следующее примечание: «В Министерство юстиции было прислано письмо от еврейки Цальки Мигдал, которая убежала во время убийства евреев в городе Едвабне и видела, кто принимал участие в убийстве евреев в 1941 г. в г. Едвабне»⁵. Во всяком случае, Васерштайн свидетельствовал об этом перед членами Еврейской исторической комиссии в Белостоке 3 апреля 1945 года. Тот что он рассказал тогда.

«В Едвабне до начала войны жило 1600 евреев, из которых спаслись только 7, которых укрывала поляка Выжиковская, живш.[ая] неподалеку от города.

В понедельник вечером 23 июня 1941 г. немцы вошли в город. А уже 25-го бандиты из поляков начали еврейский погром. Двое из этих бандитов, Боровский (Боровюк) Вацек со своим братом Метekom, врываясь в еврейские квартиры вместе с другими бандитами, играли на гармонии и кларнете, чтобы заглушить

крики еврейских женщин и детей. Я собственными глазами видел, как нижеперечисленные убийцы убили: 1. Хайку Васерштайн, 53 лет; 2. Якуба Каца, 73 лет и 3. Кравецкого Элиаша.

Якуба Каца они забили кирпичами, а Кравецкого закололи ножами, потом выкололи ему глаза и отрезали язык. Он терпел нечеловеческие муки в течение 12 часов, пока не испустил дух.

В тот же самый день я наблюдал страшную картину: Кубжанская Хая, 28 лет, и Бинштайн Бася, 26 лет, обе с младенцами на руках, видя, что творится, пошли к пруду, предпочитая утопиться вместе с детьми, чем попасть в руки бандитов. Они бросили детей в воду и собственными руками утопили, потом прыгнула Баська Бинштайн, которая сразу пошла на дно, в то время как Хая Кубжанская мучилась несколько часов.

Собравшиеся погромщики устроили из этого пошмишище, они советовали ей, чтобы легла лицом на воду, тогда ей скорее удастся утопиться, а она, видя, что дети уже утонули, энергичнее бросилась в воду и там нашла свою смерть.

На следующий день ксендз стал уговаривать, чтобы прекратили погром, потому что немецкие власти сами наведут порядок. Это подействовало, и погром прекратился. С того дня окрестное население перестало продавать продукты питания, отчего положение евреев становилось все тяжелее. Тем временем распространились слухи, что немцы вскоре отдадут приказ об уничтожении всех евреев.

Такой приказ был отдан немцами 10. VII—1941 года.

Хотя приказ отдали немцы, польские погромщики взялись за его исполнение и исполнили самым страшным образом — после всяческих издевательств и истязаний они сожгли всех евреев в овине. Во время первых погромов и во время избиения особой жестокостью отличались нижеперечисленные подонки: 1. Шлезиньский, 2. Кароляк, 3. Боровюк (Боровский) Метек, 4. Боровюк (Боровский) Вацлав, 5. Ермаловский, 6. Рамутовский Болек, 7. Рогальский Болек, 8. Шелява Станислав, 9. Шелява Франчишек, 10. Козловский Генек, 11. Тшаска, 12. Тарночек Ежик, 13. Люданьский Юрек, 14. Лячеч Чеслав.

10.VН—41 г. утром в городок прибыли 8 гестаповцев, которые провели совещание с представителями властей города. На вопрос гестаповцев, каковы их намерения в отношении евреев, все единодушно ответили, что нужно всех перебить. На предложение немцев оставить по одной еврейской семье, владеющей каким-либо ремеслом, присутствовавший на совещании столяр Шлезиньский Бр.[онислав] ответил: «У нас есть свои мастера, мы должны убить всех евреев, никто из них не должен остаться в живых. Бургомистр Кароляк и все остальные были согласны с его словами. Решено было всех евреев собрать в одном месте и сжечь. Для этой цели Шлезиньский отдал свой собственный овин, находившийся неподалеку от города. После этого совещания началась резня».

Погромщики, вооруженные топорами, особыми палками, в которые были вбиты гвозди, и другими орудиями уничтожения и истязаний, выгнали всех евреев на улицы. Первой жертвой своих дьяволь-

безоружны. Окровавленных, искалеченных, их впахнули в овин. Потом овин облили бензином и подожгли, после чего бандиты стали обходить еврейские квартиры, ища оставшихся больных и детей. Найденных больных они сами оттащили в овин. А детей связывали по нескольку за ножки и притаскивали на спинах, клали на вилы и кидали на раскаленные угли.

После пожара у еще не распавшихся в прах мертвецов топорами выбивали изо рта золотые зубы и всячески оскверняли тела святых мучеников».⁶

Хотя человеку, читающему свидетельские показания Васерштайна, ясно, что в Едвабне измывались над евреями с особой жестокостью, все же вначале трудно полностью осознать содержание этого текста. С того дня, когда я наткнулся на его показания в архивах ЕИИ, прошло довольно много времени, прежде чем я понял, что в них сказано. Когда осенью 1998 года меня попросили написать эссе в памятную книгу по случаю юбилея профессора Томаша Стшембоша, я решил описать на примере Едвабне, как соседи-поляки измывались над жившими в городе евреями. Но тогда еще до меня не дошло, что в заключение целой серии убийств и жестокостей, совершенных в этот день, всех оставшихся в живых евреев просто сожгли. Поэтому меня не удивляет временной разрыв между свидетельством Васерштайна и началом процесса в Ломже. Мне тоже понадобилось четыре года, чтобы осознать, что именно сказал Васерштайн. Только просматривая материал, отснятый Агнешкой Арнольд для документального фильма «Где мой старший брат Каин?» (а конкретно — наткнув-

шись на беседу перед камерой с дочерью хозяина овина, в котором соседи-поляки сожгли в июле 1941 года едwabненских евреев), я понял, что там произошло⁷. И как обычно бывает, когда спадет с глаз завеса, — как только мы осознаем, что случилось то, что до сих пор нельзя было себе представить, — оказалось, что вся история прекрасно документирована, что свидетели живы до сих пор, что память об этом преступлении сохранилась в Едwabне на протяжении жизни нескольких поколений.